

JANA
DENOLE

тизъ и зоо

Яна Деноль

ШИЗО И ЗОО

Я спал или просто думал, что сплю. В очевидном сне пришла ко мне моя любимая мама. Огромная, с добрыми глазами и морщинистым лбом. Обнимая хоботом, она нежно поглаживала и пощипывала мое человеческое тело...

— О боже! Где я?

Я пробудился в кроватке младенца. Безобразные люди глядели на меня своими выпученными, страшными глазами!

— Где моя мама?! Где мама?

Я кричал и брыкался, умоляя вернуть меня к матери, однако они не слышали того, что я говорил...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. РОЖДЕНИЕ «НЕОБЫЧНОГО ФРЕДДИ»

ГЛАВА 2. «ЗДОРОВЫЙ СЛОН» НА ПРИЕМЕ У БОЛЬНОГО ВРАЧА

ГЛАВА 3. ПРОШЛИ ГОДЫ...

ГЛАВА 4. МОЯ ДОЛГОЖДАННАЯ БОТСВАНА!

ГЛАВА 5. ПРОЩАЙ, ЖЕНЕВА, ЗДРАВСТВУЙ, ЗООПАРК!

ГЛАВА 6. НАСТОЯЩЕЕ ВЗРОСЛЕНИЕ

ГЛАВА 7. ЧТО ЖЕ ТЫ НАДЕЛАЛА, НАДЕЛА ДЖИНСЫ БЕЛЫЕ!

ГЛАВА 8. ПРИВЕТ, СТРАНА МУСОРА!

ГЛАВА 9. ТЕЩА МОЯ ХОЛОДНЕНЬКАЯ!

ГЛАВА 10. Я ХОТЕЛ ЕЕ...

ГЛАВА 11. МАРЬЯНА, ЖДУ ТЕБЯ В ЧУЛКАХ, ПАРЯЩУЮ КО МНЕ С НЕБЕС!

ГЛАВА 1. РОЖДЕНИЕ «НЕОБЫЧНОГО ФРЕДДИ»

— Дорогой?

— Да, милая?

— Ты не находишь нашего малыша странным?

— В чем это проявляется, любимая?

— Он взирает на меня, как на чужого человека! Но ведь я же его мама!

— А-ха-ха! А как он должен на тебя смотреть, если еще недавно он тебя не знал? Фактически мы для него чужие люди. Ему надлежит освоиться, свыкнуться с новой обстановкой.

— Нет, не убеждай меня! Он смотрит на меня с ненавистью! Я чувствую это!

— Перестань нести чепуху! В недавнем разговоре со своим коллегой по работе я узнал, что у его супруги была послеродовая депрессия, кажется, постнатальной зовется.

— На что ты намекаешь, что я больная?

— Вовсе нет, хотя...

— И что там с этой постнатальной хворью?

— Так вот. Ей казалось, что она не должна была рожать дочь, которая постоянно орет, доводя мать до истерики.

— И что потом?

— На сегодняшний день они души не чают в своей малышке Габи.

— Что за имя такое — Габи? На гоблина походит.

— Прекрасная Габриела! Разве ты никогда не слышала такого имени?

— Ты же знаешь, что я выросла в Польше. Откуда у нас всякие Гаврилы?

— Изволь, не ворчи по пустякам. Пойди приляг, отдохни, брось думать о плохом. Дети — это ржавчина сердца, начало трудностей и переживаний. Они врываются в жизнь, как стероиды, отнимая у нас все свободное время. В итоге подрастают, порой убивая наповал незаслуженными претензиями. Наш мир становится ограниченным, узким, психоэмоциональным, ибо этот маленький человек диктует свои правила. Мы в нем просто слуги!

— Ты такой фантазер, Пьер-Алан!

— Мне просто хочется, чтобы ты улыбнулась и приняла ситуацию такой, какая она есть, иначе мы с тобой окажемся на приеме у семейного психолога!

— Вот и весь сказ, пора ему уже позвонить! Взгляни сам, это же очевидно! Мой сын питает ко мне ненависть!

— Ты сбрендила? Что ты несешь! Он же еще совсем младенец!

— Например, в Польше сын моей подруги после рождения мило улыбался, а этот при виде меня орет! Глянь на его руки!

— Что еще с ними не так?

— Его ладони развернуты, тянутся к потолку. Ты не понимаешь почему?

— Нет, даже не могу себе представить, честно!

— Он до смерти напуган, вот что! Все тело зажато, ребенок находится в постоянном напряжении!

— Пожалуй, какать хочет?

— Не строй из себя дебила, Пьер-Алан! Ты не слепой, прекрасно видишь, как он на нас реагирует!

— Как же?

— Очевидно, по-разному! Его взор! Взгляд взрослого человека!

— Блистательный! Весь в меня!

— Не смеши! И еще, что ты ему за имя такое придумал

— Фредди? Боюсь, он достанет из памперса косу и

изрубит нас на части.

— У Крюгера разве была коса?

— Не паясничай! Понял? Мне не до шуток!

— Агнешка, остуди эмоции и послушай меня внимательно. Заставь себя превозмочь эту ксенофобию, иди вперед, довольно унывать, сочинять дикие истории!

— Я не ксенофоб! Не придумывай мне каждые пять минут разные диагнозы! Ты не понимаешь, что я чувствую! Ты просто эгоист!

— Это я, по-твоему, себялюбец? Тот самый, который каждую ночь поднимается на зов малыша, дает бутылочку, ибо «ваше превосходительство» не соизволило ни единого месяца покормить собственного сына своей стоячей грудью!

— Он не хочет брать мою грудь!

— Сцеживаться тоже не захотела!

— У меня почти нет молока!

— Конечно! У тебя прогрессирует эмоциональная незрелость! Ты его истратила на свои же нервы! У какой психички будет молоко, если она боится как огня свое собственное чадо!

— Да ты вообще бесчувственный, зашоренный урод, понял? Вечно шатался, гулял по кабарешкам, пил литрами алкоголь, морочил всем шлюхам Женевы голову, обещая с каждой пойти под венец!

— Но женился ведь на одной? К сожалению, на самой долбанутой!

— Я презираю вас обоих! Особено этого маленького ублюдка, уже сейчас похожего на тебя!

Пощечина полетела в красивое лицо юной полячки.

— Так ты меня еще и бить собрался? Да я тебя засужу! В Швейцарии за домашнее насилие отбирают детей, присуждая супругу платить большие алименты!

— Ты с «ублюдком Фредди», как ты свое дитя кличешь, одна жить собираешься? А-ха-ха-ха!

— Да пошел ты, ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! Ты сядешь в тюрьму за то, что меня изнасиловал на первом свидании! Я тебя не хотела!

— Я тебе заплатил! Ты меня за мои же бабки решила обвинить в харассменте? Ты тогда не говорила, что не хочешь меня, а сказала, что просто не хочешь помянуть свою посаженную на лак для волос шляпку, прилепанную к голове шпильками! Зачем вообще носить такое гнездо на голове?

— Шляпка — это незаслуженно забытый женский аксессуар! Но тебе этого не понять!

— Это какая-то плакатная вывеска с изображением Эдит Пиаф или конспирация от ментов: мол, я не проститутка, меня трахнули в шляпке против моей воли.

Дверь за странной женщиной, навевающей на меня ужас, захлопнулась. В комнате остался милый мужик, вульгарно мне улыбающийся, как идиот. Я, как и все слоны планеты, боялся жестоких людей. Но в этот раз я решил, что мне нечего опасаться, и улыбнулся ему в ответ, не ожидая, естественно, столь неадекватной реакции. Его слезы капали на мою постель. Я, все еще ощущая себя слоном, хотел убрать с подушки в сторону свое большое ухо.

Как все-таки странно ощущать себя не тем, кем на самом деле являешься.

«Почему все это происходит именно со мной? Где и как мне теперь искать своих родителей? Да и вообще, что за вычурные у меня конечности? Как на таких, в принципе, передвигаются?»

Я попытался встать, но тело никуда не шло. Улыбающийся обормот, склонившийся над моим лицом нос к носу, был покрасневшим и сопливым. Он вытирая

свое испещренное морщинами лицо тряпкой, на которой был нарисован мой родственник — слоненок.

— Сыночек! Ты улыбнулся! Спасибо тебе! Я так счастлив, что ты наконец признал нас, стал распознавать, кто есть кто! Я — твой папа! Тю-тю-тю! Я очень люблю тебя и горжусь тем, что ты с самого рождения ведешь себя осторожно, не доверяя чужим людям! Правильно делаешь! Мало ли кто мы вообще с этой блондинкой такие! К сожалению, эта сумасбродка — твоя мамаша! Уверен, она тебя, как и я, сильно любит. Прошу тебя, улыбнись ей, ведь если ты и дальше будешь вести себя подобным образом, то она вытряхнет мне весь мозг! Затащит к психологу, и хрен знает, что там еще у нее за планы! Ты же мой сын, моя гордость, надежда и опора! Защити меня от этой гризли! А я обещаю перед тем, как тебе исполнится восемнадцать, дать тебе попробовать пива! Ну или в шестнадцать. Да вообще можно и раньше. Думаю, в этом ничего страшного нет. Короче, с меня пиво, когда захочешь!

«Ни хрена не понимаю, что он щебечет своими губами, но мне кажется, его самого это забавляет».

— Пьер-Алан? — послышался из соседней комнаты голос.

— Да, дорогая?

— Фредди уже уснул?

— Нет, он мне улыбается!

— Да ты что!

Громкие, ускоряющиеся шаги послышались из-за двери, и я тут же расплакался.

— Да он просто орет! Ты что, пьяный? Тебе мерещится, что он умеет улыбаться!

— Ну ты, блин, сын, называется! Эх! Мы же договорились!

Мужчина на повышенных тонах что-то выкрикнул мне в лульку и, махнув рукой, покинул детскую комнату.

Сумасшедшая костлявая блондинка выбежала вслед за ним, размахивая руками. Словоблудие, одним словом.

«Фу, как же мерзко выглядят люди! Он еще ничего, пухленький такой, рыжеволосый, с добрыми глазами и короткими руками. Но она же просто ужасна! Не внешность, а „ходячие фундаментальные противоречия“. Ноги от ушей, сиськи огромные, чуть ли не врезающиеся в подбородок. Длинные волосы висят, как лианы, правда, глаза в порядке. Такие голубые, прозрачные. Подобные тому самому водоему, в котором в моих мечтах купала меня моя милая мама. Большая, красивая, мягенькая мама. Научиться бы еще до конца понимать, о чем они там болтают! Чутко поздороваться по-слоновьи, изящно дотрагиваясь лишь кончиком хобота до рта. Не так, как она на меня нападает, с открытой пастью. Это отвратительно».

По непонятной мне причине я снова расплакался и уснул. Наверное, это нормально в моем возрасте.

Ночка выдалась неспокойной. Предки новорожденного Фредди ворочались. Никто не мог погрузиться в глубокий сон. Агнешке снилось, что она проклята, что чадо убивает ее изнутри, сжирая заживо внутренности, не имея внутри живота иного инструментария для того, чтобы донести до матери, что эта несодержательная женщина считает себя просто биомассой. Ее сын не понимает тех коннотаций, которыми она выражается. Зародыш послан кармой, он творит мрак. Совершенные ею поганые поступки летят рикошетом.

Пьер-Алан, напротив, был так приятно поражен улыбкой сынишки, что тут же перенес воодушевление в свой сон, чтобы растянуть удовольствие от увиденного. Наверное, парадоксально, но по его же запросу в приятный сон просочилась существующая в его мозгах

жесткая повестка тех рамок, которые он, вовсе не желая того, перешел в жизни. Досадовал, что связал свою планету с одной из работниц кабаре. На вид она была, конечно, комильфо, но подорванная психика — диагноз шаболды — была налицо. Он боялся, как дьявол крестного знамения, что молодая супруга перепортит ему и его сыну жизнь. Деморализованные женщины лишь в фильмах становятся хорошими матерями и хозяйками. Как это происходит на практике, никто не знает, так как в обществе не принято говорить: «Посмотрите, какая у меня классная спутница жизни! Она прекрасная мама, жена, любовница и хозяйка, несмотря на то, что в прошлом была проституткой!»

Он очнулся в поту, встал, прошел на кухню, нажатием кнопки включил кофейную машину швейцарского производства и вытаращился на горящий красным цветом экранчик с надписью «Нагревается».

«Что со мной? Черт возьми! Я же стремился создать идеальную семью! Как с фото на страницах глянцевых журналов, тех самых, которые создаю! Я же гениальный, элитный фотограф! И что? У меня не выходит ничего выстроить при первых же трудностях жизненных реалий! Что делать? Мне так стыдно за то, что я ударил свою жену! Прежде я не бил девочек! В школе меня нервировала одна кругломордая забияка — негритоска. На переменах бросала в меня куски недоеденных бутербродов, и однажды я все-таки вышел из себя, хотел врезать ей разок, но не успел, она меня смачно засосала, да так крепко, что я не мог вырваться из ее огромных жирных лапищ. Это был мой первый и самый зашкварный поцелуй. Я до сих пор помню вкус колбасы, которую она, видимо, не дожевала. Кусок этой самой колбасы интенсивно плавал вместе с ее языком по моему рту. Фу, о чём я вообще думаю? Почему я вспоминаю самые плохие моменты моей жизни именно в самые плохие моменты моей жизни? Это же вдвойне

хреново! Следует успокоиться и взять себя в руки. Размыслить хорошенько и найти рациональное решение обычных семейных проблем.

Так, мой вердикт таков: сейчас же я зайду в спальню к Фредди и настоятельно, со всей строгостью в голосе попрошу его улыбнуться маме! Все! Больше, черт побери, мне вообще ничего не нужно! Все просто! Или встану за ее спиной, пускай расплывется во весь рот мне, якобы для нее. Этого будет более чем достаточно для первого проверочного раза. Сдается мне, я понимаю, почему он ей не улыбается. Боится, что она накинется и задушит его от счастья! Мой спокойный малыш, он швейцарец, тем более из французской части — элиты! С ним по-польски не получается! Поляки же не знают, как подойти к вопросу элегантно! Сразу лезут к людям, как медведи, обниматься. Мне один знакомый при встрече чуть не передавил грудную клетку своими нежностями.

Точно! Я все понял! Он унаследовал мою кровь, и они с ним не сходятся. Слишком уж велика пропасть менталитетов!»

Выключив машинку, так и не выпив кофе, он удалился в опочивальню, погрузившись в глубокий, крепкий сон.

Утром снова эти бешеные ворвались в мою комнату, перепугав меня до смерти. Они орали, затем улыбались, следом целовались, в итоге я, наконец, получил свою молочную смесь.

Годы летели, я малость свыкся с тем, что я человек, начал понимать своих родителей, но чувств к ним особых не испытывал. Я скучал по своим настоящим предкам, пересматривая по сто раз фильмы со слонами и передачу «В мире животных». Я даже знал, к какой именно породе отношусь, подмечая во многих из них знакомые до боли родные изгибы.

В принципе, на своих родителей мне нечего было жаловаться, особенно на отца. Мой папа — человек. Он был очень добр ко мне. Водил меня повсюду за собой, брал в музеи, детские театры и кино, позволял покупать разные безделушки с изображениями моих родных гигантов. Мы ходили с ним в зоопарк фоткать животных, но там мне всегда становилось плохо. На меня находила дикая агрессия, внутри все переворачивалось от душевных переживаний. Я не понимал, как можно посадить животных на цепь или запереть их в клетке. Для меня это было просто непостижимым!

Когда папа заметил, что я сильно волнуюсь, становлюсь, как стена, белым и бледным, он предупредил о том, что мы больше не пойдем в цирк или зоопарк, на что я еще сложнее отреагировал. Я задумывался о несправедливости того, что на земле есть питекантроп — обезьяна-человек, но нет слонокантропа. Являться им — позорным человеком, издевающимся над всем живым на свете — для меня было непросто, даже стыдно. Не знаю, отчего в моем мозгу часто всплывали сцены умирающих окровавленных слонов, в глазах которых застывал тот самый ужас, когда человек уверенной рукой вырезает из него бивни, чтобы за копейки продать! А это именно копейки по сравнению с целой жизнью слона. Эти чудовища, наверное, не в курсе, но мы, слоны, все помним. Наша безукоризненная память передается столетиями от наших потомков в виде фрагментов. И уверяю, воспоминания об издевательствах над животными не так ужасны по сравнению с тем, как страшно однажды проснуться человеком!

В наших спорах с отцом тот всегда сдавал позиции, потакая моим капризам и запросам, что явно не импонировало матери. Она была агрессивной, непокладистой, вечно спорила с мужем до такой

степени, что заканчивалось это все оплеухами. Она пила, в итоге допивалась до чертиков, играла с моими игрушками, которых у меня было множество, дергая их за уши и хобот, пропаливая им зад сигаретами, вырывая со злостью бивни. От ярости она уродовала слонов. Ну не сука ли? Утром она прятала покореженных зверей рядом с выпитыми бутылками белого вина в чулане. По завершении завтрака, когда я уходил в садик, она их доставала, криво латала дыры, пришивала недостающие части конечностей инвалидов обратно, делая вид, что ничего не произошло. Я ненавидел ее, честно. Безусловно, так нельзя резонировать о святом — матери, хотя, по моему мнению, она мне никакая не мать. Ко всему прочему я считал ее полной дурой. Единственное — мне было жаль моего так называемого отца. Он страдал и сильно горевал из-за сложившихся отношений в семье. Я даже специально ради него соизволил ей пару раз улыбнуться, но она сочла это оскалом с моей стороны. Буцнула ногой подушку, из которой вылетел ее новый телефон, разлетевшийся в щепки от удара о стену. Не повезло девайсу, попавшему под гнев блондинки.

Нудными семейными вечерами мама, в жопу пьяная, возилась на кухне с очередным подгоревшим пирогом, срезая ножом горелое дно, оставляя уцелевшую верхушку. В результате смакуя это дермо с чаем, мы толпой изучали географию. Глобус был тем самым единственным мячом в моей жизни, который внушал мне надежду на свободу...

В один из таких вечеров я, как всегда, был почемучкой, задавая родителям миллион вопросов, не находя для себя правильного ответа. Например, мама вообще не выдерживала столь бурной беседы, на нервах выбегала на улицу, уходя до утра в феерию задорного, беззаботного пьянства. Папа называл ей всю ночь, ругался, после чего под утро она вламывалась

сиськами вперед в двери и тотчас завалившись спать мертвейским сном. Утром не могла встать с постели, чтобы приготовить мне завтрак или просто сварить хоть одно яйцо. Я норовил ее будить, но у нее не было сил даже поднять голову. Она орала: «Уйдите, придурки!» Депрессивный экзистенциализм нервного запоя.

Так весело шли годы. Мы с отцом жили в полной идиллии. Приучились сами вставать пораньше, стряпали всякие вкусные штуки. Он овладел кулинарными способностями — наловчился пекать блинчики виртуозно, переворачивая их в воздухе на сковороде. На мой день рождения он выпек блины из букв, означающих мое имя. По очереди аккуратно выливая каждую альфу, писал, как художник, тестом на горячем сотейнике. Это был один из самых незабываемых, креативных завтраков в моей жизни. Огорчало лишь одно то, что мама злилась на отца за бесконечно длительное уделенное мне время. Она считала его доброту ко мне проявлением особой злости к ней. Этакой ложкой дегтя в ее сторону.

После этого она могла часами читать нам морали о ее неудавшейся жизни и моих отклонениях. Мы вынуждены были до конца выслушивать умозаключения, указывающие на мою одержимость слонами, которые, в свою очередь, доводили ее же саму до нервного срыва. Вот как так можно часами нести бред и от него же плакать, в итоге обвиняя всех вокруг, что ее довели?

В ней играл альтруизм, она полагала, что я шизофреник, которого нужно срочно лечить. Но папа противился всему, считая мои бредни всего лишь детскими фантазиями. Меня ух как бесило, что она мне не верит, не принимает всерьез мою реальность. Я мог отбарабанить изрядное количество историй о слонах, их характере, повадках, не прочтя при этом ни одной

книги, что приводило отца в восторг, а мать вгоняло в депрессию. Так же точно было и этим вечером.

— Папа?

— Да, сыночек?

— А правда, что мир держится на слонах?

— Нет, это неправда.

— Почему тогда это было ранее одной из гипотез?

— Потому что ученые не сидят дома, как наша мама, прожигая свои годы напрасно, они работают, доказывая новые теории, внося в наше сознание свежие мысли, надежды на будущие перспективы. Таким образом, мы развиваемся машинально, так сказать, идем в ногу со временем.

— Но я все-таки уверен, что мир держится на нас, на слонах!

— А-ха-ха! Это забавно, когда ты так говоришь.

— А мне не до шуток! — выкрикнула Агнешка. Поднос с коричневыми печеньями полетел на пол. Мама стояла и рыдала посреди кухни, как малое дитя.

— Ты нормальная? Что ты делаешь? Зачем все разбросала?

— Ты что, не слышишь, что он говорит?

— Так что, необходимо бросать на пол печенье?

— Я просто соболезную себе, удрученной матери!

— Это психоатаки, а не соболезнования! Ты чрезмерно быстро воспламеняешься!

— Он доказывает всем, что он слон и что я вообще не его мать! Его нужно лечить, Пьер-Алан!

— Да что ты такое говоришь! Зачем устраивать цирк на ровном месте?

— Вот именно — цирк! Ты видел, как он переживает за животных в цирке? У него раскалывается голова! Он выкрикнул во всю глотку жонглеру и дрессировщику, которые вышли с медведем на арену, что те — два моральных урода! Знаешь, как мне было стыдно перед

людьми? Ты же мой муж! Почему ты меня не слышишь и не защищаешь? Я схожу потихоньку с ума!

— Стыдно за меня? Перед людьми? Это мне стыдно, что ты постоянно пьяная! Водишь меня смотреть на этих уродов! Он вышел с мишкой, которого поставили на раскаленную тумбу! Ему пекло лапки, и он начал танцевать! Они включили музыку и сделали вид, что медвежонок сам танцует! Это ты этих людей называешь нормальными, а меня больным?

— Откуда вот он знает, что они издевались над медведем, спроси у него! Пьер-Алан! Спроси! Сейчас же!

— Сын, скажи, пожалуйста, откуда ты все это взял?

— Я имею свой инструментарий, могу выразить взгляды доходчиво! Но это будет в последний раз!

— Не нервничай, пожалуйста, говори, мой мальчик, мы слушаем тебя внимательно!

— Я умею облекать мысли в слова, многое знаю о цирке и дрессуре животных. В моей памяти всплывают фрагменты страданий моих предков. То, что они сами видели своими глазами, успев сфотографировать взглядом; паранезия остается и передается последующему поколению. В том случае, если тех или иных слонов при жизни обижали или наносилиувечья им или их потомкам, они это запоминают на всю жизнь и передают эти знания по наследству. При этом серый ушастый громила является, несомненно, угрозой для человека. Рано или поздно отомстит, набросившись на обидчика.

— Выходит, твои родственники не были свободными?

— Некоторые были, но это было давно. Я из семьи, которая жила в цирке.

— Ты уверен, что ты это все не придумываешь?

— Нет, пап, я точно знаю, что я самый настоящий слон! И хватит воспринимать меня как маленького! Это ваш человеческий ребенок до десяти лет — немощный

овош! Слонята в таком возрасте уже многое понимают и могут себя защитить.

— Фредди, послушай меня внимательно, только не обижайся! Мы с мамой должны показать тебя врачу. Ты сможешь это пережить спокойно, без скандалов и истерик?

— Это что, челлендж? Конечно, я же уже взрослый, мне восемь лет! Если бы я был в своем теле, ты бы меня вовсе не узнал, какой я огромный и симпатичный! И вообще я бы уже не поместился на вашей кухне. Пап, ты видел, как выглядит восьмилетний африканский слон?

Я отвлекся от своего, как мне казалось, интереснейшего рассказа и внезапно увидел на щеке отца покатившуюся слезу.

— Пап?

— Да, сыночек?

— Ты берешь пример с плаксы-мамы?

Та вообще сидела на полу в полном ступоре. Ее ребенок — слон. Совершенно невообразимо.

— Фредди, я уважаю твоё влечение к животным, но пойми, ты — человек! Ты не животное!

— Но я слышу их, они приходят ко мне, мама ласкает меня во сне, машет надо мной ухом, когда мне жарко.

— У тебя одна мама! Это я! Ублюдок ты больной!

У нее началась агония.

Мама накинулась на меня с кулаками. Отец держал ее тонкие запястья, на которых выдувались уродливые синие вены.

— Я убью его!

— Не трогай, убери руки! У нас власти отберут ребенка! Пойдем поговорим, дорогая! Прошу, пошли в комнату.

Она прошла к холодильнику, достала оттуда пузырь, налила себе в бокал на длинной ножке белого вина и поплелась за мужем в комнату в конце коридора, шаркая вытертыми до дыр подошвами тапок.

Их разговор я подслушивал не впервые. Ничего нового. Речь шла о том, что я чокнутый даун. Якобы мое место в психушке. Единственный выход из положения — разорвать узы брака или родить второго ребенка. Папа отшучивался от нападок жены, спрашивал, не хочет ли она второго слона. За что получал еще больше оскорблений в мой и свой адрес. Я был уверен, что у этих людей точно никогда не родится человек. Она же неадекватная! Видел бы кто-то, что она творит, когда выпьет. Садится в машину и на полной скорости мчится в непонятном направлении. Бухает за рулем на ходу пиво или вообще виски прямо из горла. Однажды к нам домой с визитом нагрянул незнакомый парень. Пришел разблаговестить отцу новость, как накануне его подвозила наша мамаша.

Так вот, я был в шоке. Он голосовал на дороге, она остановилась, сказала приказным тоном: «Садись». В двери машины, сбоку справа, торчала бутылка, а на том месте, где у водителей обычно стоит стаканчик кофе, была кока-кола. Она пила вискарь, на ходу запивая его колой. В ходе дискуссии в одни уши рассказывала со слезами на глазах, что родила слона. Чувак просто ошелел от такой чудилы, удрал, решив навестить ее в более благоприятных условиях, то бишь дома, пока та не пьяна и может дать адекватное объяснение своим действиям.

Разумеется, он дико извинялся, что пришел об этом говорить, но четко для себя решил, что такие люди, как она, не имеют права на вождение автомобиля. Перед тем, как обратиться в полицию, он хотел все-таки выяснить ситуацию сам. Любопытный зануда, короче.

Отец спросил, что она ему сделала плохого, но не успел получить ответ, так как мама набросилась на бедного юношу чуть ли не с прыжка.

Она вытолкала его пинками за дверь, орала, что никогда больше никому ничего хорошего не сделает.

Подвезла, мол, сукина сына на свою голову. Тот нашел ее, вычислил по номеру машины и решил за ее же добро на нее настучать. Что за людское жестокосердие?

В результате приехала полиция. По факту я отвечал на вопросы копов, мне было неприятно по просьбе матери говорить о том, что я не слон, но я это сделал, чем заслужил от нее пожатие руки. Она же в показаниях хаотично заявляла, что ее пассажир, которого она подбросила — мелкий люд среднего сословия, сам был нетрезв и спутал виски с простейшим кофейным напитком. Обошлось в этот раз, но со временем страсти не угасали. В полиции показания парня взяли на заметку и несколько раз тормозили нашу машину, высматривая ее неподалеку от дома. Слава богу, оба раза за рулем был трезвый отец, но скандалы от этого в доме не прекращались, ибо границы дозволенных удовольствий ныне были стеснены.

Отец сетовал на неблагополучную супругу.

— Мне что, теперь из-за тебя нельзя после работы за рулем выпить пиво? В Швейцарии разрешено немного за ужином, но теперь я обязан следить за каждым глотком, чтобы не превысить норму? Это уже слишком! Я порядочный гражданин! Езжу медленно, аккуратно. Даже если немного выпью, меня полиция не проверяет, так как видят, что я не пьяница!

— Так и пей то, что дозволено! Я здесь при чем?

— Меня каждый раз трясет от страха! Ты своими пьяными проделками посадила нам ментов на хвост! Подвозишь непонятно кого, а они на тебя еще и кляузничают!

Он был прав, возмущался справедливо. Ведь за одно пиво в Швейцарии ничего не будет. Человек после работы может спокойно заехать в какой-либо паб и выпить одно, а то и два. В этой стране люди живут в свое удовольствие. Но лишь в том случае, если полиция

не взяла тебя на мушку, заподозрив в распитии спиртных напитков за рулем. Тут-то держись!

Получается, мама портила собственному мужу жизнь.

Я все время задавался вопросом: как можно было выбрать в жены такую странную бабу? Неужели совсем нет классических критериев отбора, чтобы выбрать из тех, кто лучше? Но я решил, что папа просто думал членом, как говорила моя бабушка. Наверняка она права, так как другого ответа я не находил.

ГЛАВА 2. «ЗДОРОВЫЙ СЛОН» НА ПРИЕМЕ У БОЛЬНОГО ВРАЧА

— Здравствуйте!

— Добрый день, месье Пьер-Алан. Привет, малыш!

— Я не малыш, — ответил я максимально утвердительно.

— Ты как отвечаешь доктору, Фредди? Поздоровайся, пожалуйста, как положено!

— Не берите в голову, все в порядке, проходите, прошу, присаживайтесь.

Врач выдержал паузу, пока мы занимали свои места.

— Вы описали в письме Вашу историю, она меня очень заинтересовала. Но Вы не против, если я поговорю с э-э-Э...

— Фредди.

— Ах да, Фредди, извините, наедине.

— Сыночек, ты не против, если я тебя оставлю с дядей?

— Нет, па, ступай. Там в кафе на выходе я видел свежие круассаны и кофе, все, как ты любишь. Ступай, не переживай за меня.

— Фредди, только не бойся, расскажи врачу все до мельчайших подробностей.

— Па, меня вообще ничего не беспокоит. Я уже свыкся со своим состоянием.

— Вот так все ему и объясни. Как ты свыкался и с чем тебе пришлось столкнуться.

— Ок.

В разговоре с врачом я подумал, что все психиатры тоже с отклонениями. Он разговаривал со мной в

слизкой, игривой форме примерно так, как между собой флиртуют два педика из любимого маминого фильма.

Я искренне поведал ему все, что со мной произошло. Что на самом деле я — африканское животное гигантских размеров и меня, скорее всего, на небесах перепутали, подкинув в семью людей. Наверняка где-то на свете живет его слониха-мама, вернее, моя, у которой родился слоненок с разумом человека. Бедная моя мама! Мне самому от столь жутких разговоров становилось не по себе. Врач задавал множество глупых вопросов, не касающихся темы, но косвенно приближенных к диагнозу шизофреника. Как будто он заставлял меня им стать. Видимо, чтобы выяснить больше, чем ему было положено знать. Но нет же. Кроме того, что я слон, выяснить особо ничего не выходило.

В конце беседы, а прошло целых полчаса, врач подвел итог, и последние его слова звучали примерно так:

— В моей практике часто встречаются люди, которые, не разбирая между приличным и недозволенным, выдуманным и реальным, нормальным и ужасным, руководствуясь лишь вожделением, наедине или в обществе, на свету или во тьме совершают то, что приносит им наибольшее удовольствие. Тебе нравится быть сильным и большим слоном? В этом дело?

— Да, доктор! Вы хотите сказать, что я безответственный и наивный искатель наслаждений?

— Именно так и есть. Ты наслаждаешься тем, что ты большой и сильный. Тебе неохота быть просто человеком, тем самым объясняется факт появления двойников. Хорошо, малыш. Поди-ка позови своего папу, сам подожди в приемной, пожалуйста. Там посредине коридора висит книжная полка для школьников. Почитай что-нибудь интересное.

— Ок, пока, доктор!

Мужчина поднял бровь, но ничего не ответил наглецу.

Я увидел отца, сидящего в прихожей на черном стуле, нервно теребящего ногтями потные ладони. Он был настолько несчастен и огорчен, что в моем сердце воспламенились новые чувства к этому человеку, вернее, к моему отцу-человеку.

Он вскочил со стула, как будто его шарахнуло током.

— Ну что там, сынок?

— Да все в порядке. Он верит в то, что я слон. Идем отсюда, па?

— Что — все? Доктор сказал — прием окончен?

— Да я пошутил. Он ожидает тебя в своей крысиной норе.

— Фредди! Я же просил не ругаться!

Тук-тук!

— Можно войти?

— Да, да, проходите.

— Ну, что с ним, доктор? Что?

— Не волнуйтесь Вы так, пожалуйста, будьте добры, присядьте. Скажу Вам с объективной точки зрения. Пока юнец еще мал, чтобы делать конкретные выводы, тем более — ставить диагнозы. В его возрасте, да, впрочем, у некоторых — в любом, фантазия не имеет границ. Это может быть связано с чем угодно. Поэтому определенную причину этакого помешательства Вам не скажет ни один специалист. Я считаю, что мальчик таким образом самовыражается. Кто-то хочет стать пожарным, пилотом или балerinой, а Ваш — просто слоном и прямо сейчас. Ему не нужно годами учиться быть им. Он выдумал, что он уже слон, вуаля! Это говорит о нетерпеливости в характере. Его девиз: «Здесь и сейчас или никогда». Ожидания приносят ему неудобства. Для чего ждать, если можно быть самым сильным и крутым сегодня, сию же минуту.

— Но слон — это не профессия!

— Со своим призванием он просто еще до конца не определился. А вот с внешним и внутренним образом уже...

— Вы заметили, что он разговаривает как взрослый человек? Для его возраста это больно странно.

— И грубит по-взрослому. Я заметил.

— Скажите, что нам делать, как это лечить?

— Пока я посоветую просто подождать и не принимать его бредни всерьез. Примите все как сказку, забавную историю. Не воспринимайте рассказы сына в штыки. Выслушайте его, спросите о чем-нибудь по теме. То есть станьте ему другом. Может, он перестанет думать, что он единственный слон в облике человека на свете, поймет, что родители ему верят, перевоплотится в Бэтмена или еще какого-нибудь замечательного героя. Обычно к шестнадцати летию они меняются. В один прекрасный день все это станет для Вас анекдотом.

— О боже! Я так и знал, что он просто фантазер! Я так рад! Нужно непременно сообщить эту новость жене!

— Погодите, я не закончил. Не все так просто.

— Что еще? Вы меня пугаете, доктор!

— Единственная проблема заключается в том, что Ваш сын не предполагает, что он слон. Он в этом на сто процентов уверен. Это и есть тот самый знак, что без лечения и терапии уже не обойтись. В практике существует этакая мифическая болезнь, при которой больной превращается в зверя, называется ликантропией, от древнегреческого λύκος — «волк» и ἄνθρωπος — «человек». Больным клинической ликантропией кажется, что они превратились в волков, их поведение соответствует самоощущению и зачастую опасно для окружающих.

— Вы думаете, все настолько серьезно? Но ведь он не волк, он слон.

— Поэтому я надеюсь, что это простое надуманное раздвоение личности на человека и животное.

— Как мне ему помочь? Как лечить?

— Вы можете исцелять его самостоятельно, но скрытно.

— Это как?

— Допустим, сходите с ним в зоопарк, покатайтесь на слоне, пускай он дотронется до него, почувствует, что он все не такой мягкий и пушистый, какими ему казались его родственники на экране телевизора. Что у них грубая кожа и волосики на коже как тугая леска, на которую можно поймать карпа.

— Да, Вы правы, доктор, но в зоопарке он дуреет, сам не свой. Он хочет выпустить всех животных на волю, кричит. Мало того, что на людей, так еще и на нас с матерью, обвиняя в том, что мы позволяем издеваться над слонами, не устраиваем митингов, проживаем без действия, сложа руки.

— Подойдите к вопросу с другой стороны. Скажите ему, что есть неизменная реальность — он человек, и этого не поменять; даже если он найдет своих родителей, они его не признают. Скажите, что он послан на землю богом в облике примата, чтобы помогать животным выжить в коварных условиях человечества. Пускай, допустим, учится на врача или дрессировщика.

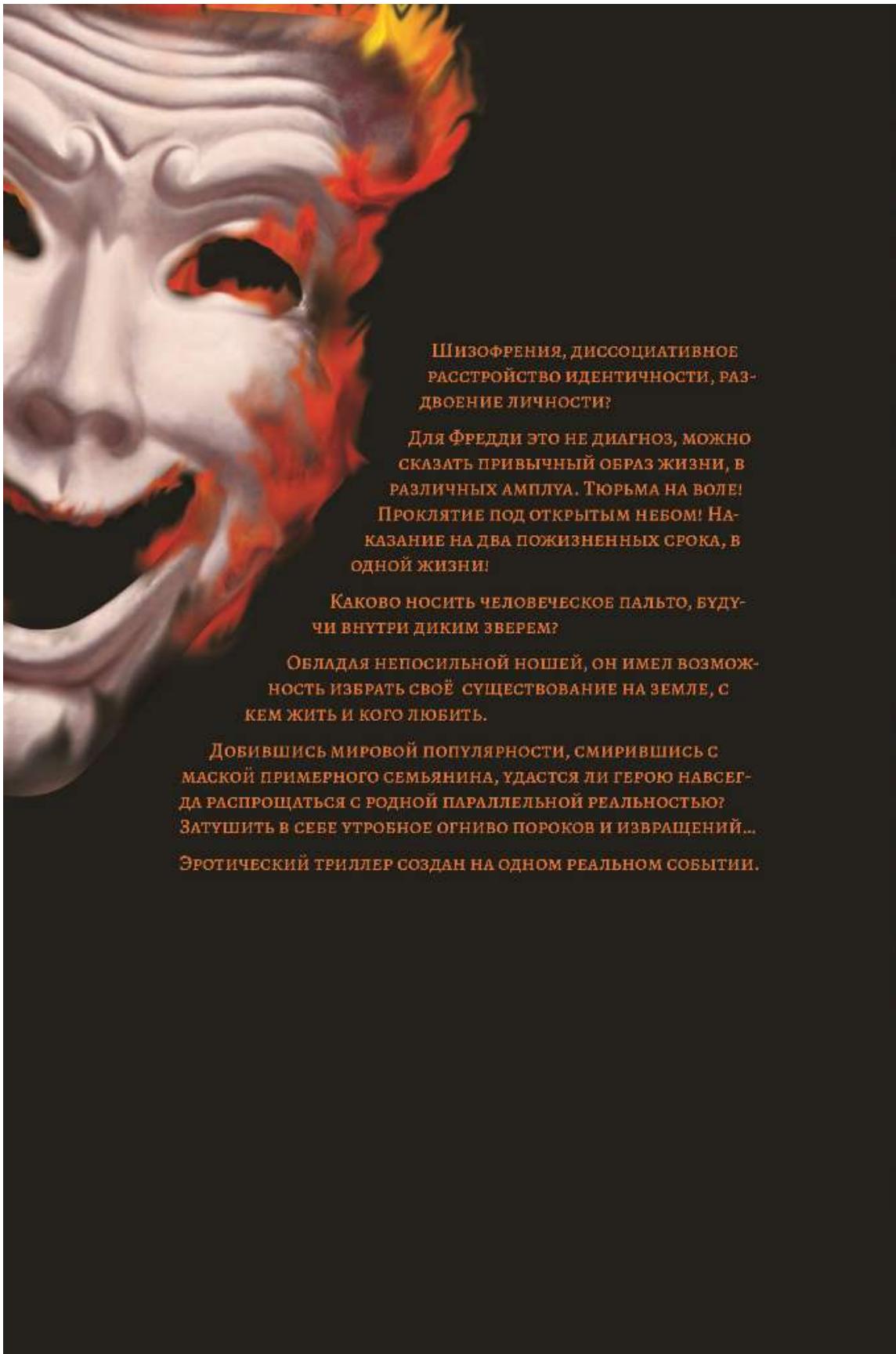
— Нет, последних он вообще убить готов. Говорит, что, если бы решился вопрос о колонизации Марса, он отправил бы туда из тюрем всех пожизненно заключенных, включая педофилов, дрессировщиков и браконьеров.

— Я отметил, что по рассуждениям он заметно отличается от своих сверстников. Для своих лет он довольно взрослый юнец! Невероятное умение культивировать убежденность в собственных силах. В нем удивительно сочетаются эксцентричность,

ШИЗО И ЗЛО!

Я прожил там, где вы не появились,
Двойное дно жгло небо под ногами!
Я был не зван и не просил убогих
Топтать меня словами!
Я вас найду и завлеку бесстрастно
В магическую спянь,
Заклять! Где ожидают вас два раза
И не дадут вам спать!
Там ждут два Бога и два Ада,
Но и, конечно, два черта,
Не выпустят вас, брат, из Ада без лживого креста!
Рванем? Удвоим мертвую петлю?
До неба смазанную смрадом!
Сними же наконец пальто!
С порочным своим взглядом!
Вон там! Гляди же! Вон оно!
Винтит в грехе наградой!
Как жаль! Я сдох нечаянно давно со зрею усладой...

Фредди

ШИЗОФРЕНИЯ, ДИССОЦИАТИВНОЕ
РАССТРОЙСТВО ИДЕНТИЧНОСТИ, РАЗ-
ДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ?

ДЛЯ ФРЕДДИ ЭТО НЕ ДИАГНОЗ, МОЖНО
СКАЗАТЬ ПРИВЫЧНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ, В
РАЗЛИЧНЫХ АМПЛУА. ТЮРЬМА НА ВОЛЕ!
ПРОКЛЯТИЕ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ! На-
КАЗАНИЕ НА ДВА ПОЖИЗНЕННЫХ СРОКА, В
ОДНОЙ ЖИЗНИ!

КАКОВО НОСИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПАЛЬТО, БУДУ-
ЧИ ВНУТРИ ДИКИМ ЗВЕРЕМ?

ОБЛАДАЯ НЕПОСИЛЬНОЙ НОШЕЙ, ОН ИМЕЛ ВОЗМОЖ-
НОСТЬ ИЗБРАТЬ СВОЁ СУЩЕСТВОВАНИЕ НА ЗЕМЛЕ, С
КЕМ ЖИТЬ И КОГО ЛЮБИТЬ.

ДОБИВШИСЬ МИРОВОЙ ПОПУЛЯРНОСТИ, СМИРИВШИСЬ С
МАСКОЙ ПРИМЕРНОГО СЕМЬЯНИНА, УДАСТСЯ ЛИ ГЕРОЮ НАВСЕГ-
ДА РАСПРОЩАТЬСЯ С РОДНОЙ ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ?
ЗАТУШИТЬ В СЕБЕ УТРОБНОЕ ОГНИВО ПОРОКОВ И ИЗВРАЩЕНИЙ...

ЭРОТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР СОЗДАН НА ОДНОМ РЕАЛЬНОМ СОБЫТИИ.

Заметки

[←1]

Я в порядке (*фр.*)

[←2]

картофель фри (*фр.*)

[←3]

Черт возьми (*фр.*)

[←4]

жабу (*фр.*)

[←5]

Давай, давай! (*фр.*)

[←6]

Ладно! (*фр.*)

[←7]

Добрый вечер, мадам! (*фр.*)

[←8]

Посадка (*фр.*)

[←9]

Конечно, месье! (*фр.*)

[←10]

Осторожно! (*нем.*)

[←11]

Здравствуйте! (*фр.*)

[←12]

Здравствуйте! (*нем.*)

[←13]

Здравствуйте! (*швейц. нем.*)